

**«Я СТАЛ ПОНИМАТЬ ПИЛСУДСКОГО,
КОГДА ДОСТИГ ЕГО ВОЗРАСТА».
ВОСПОМИНАНИЯ Г.Ф. МАТВЕЕВА В ФОРМЕ ИНТЕРВЬЮ**

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Геннадий Филиппович Матвеев (род. в 1943 г.), доктор исторических наук, заслуженный профессор Московского университета, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ, один из крупнейших отечественных специалистов по новейшей истории Польши. Родившись на берегах Волги, Г.Ф. Матвеев провел детские и юношеские годы на Западной Украине. С 1966 г. вся его жизнь неразрывно связана с Московским университетом, где он получил диплом историка, закончил аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации и где в течение полувека ведет преподавательскую деятельность и более трех десятилетий возглавляет кафедру. Под руководством Г.Ф. Матвеева выполнено и защищено большое количество дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций, ученики Геннадия Филипповича работают в разных городах страны и за рубежом. Как исследователь, Г.Ф. Матвеев неизменно опирается на глубокую проработку архивов, вводит в научный оборот немало нового материала, его новаторские исследования по истории советско-польской войны 1920 г. вызвали плодотворные дискуссии как в России, так и в Польше, побуждая других историков к дальнейшим изысканиям. Перу Геннадия Филипповича принадлежит первая фундаментальная биография на русском языке крупнейшего государственного деятеля Польши XX в. Юзефа Пилсудского. Не ограничиваясь проблемами польской истории, Г.Ф. Матвеев обращался к сравнительно-историческим исследованиям на материале разных славянских стран, в частности, по идеологии крестьянских движений в период между двумя мировыми войнами. В качестве автора и редактора он принимал участие в работе над учебными пособиями по истории южных и западных славян. Более полувека Г.Ф. Матвеев поддерживает тесные связи с Институтом славяноведения РАН, он является членом редколлегий и международных редакционных советов исторических журналов, как российских, так и польских.

Г.Ф. Матвеев рассказывает о своем послевоенном детстве, юности, впечатлениях студенческих лет, о работе в Московском университете, о своих многочисленных поездках в Польшу и более чем полувековом общении с польскими коллегами. Он также делится своим мнением о сегодняшнем развитии и перспективах российской полонистики, возможностях дальнейшего диалога двух культур.

Ключевые слова

Новейшая история Польши, советско-польские отношения, Московский университет, славистика как область исторических исследований

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 8 декабря 2023 г.

Статья принята в печать 12 декабря 2023 г.

Цитирование: *Матвеев Г.Ф.* «Я стал понимать Пилсудского, когда достиг его возраста». Воспоминания Г.Ф. Матвеева в форме интервью. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 212–253. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.15>

“I BEGAN TO UNDERSTAND PIŁSUDSKI WHEN I REACHED HIS AGE”. MEMOIRS OF G.F. MATVEEV IN THE FORM OF AN INTERVIEW

Abstract

Gennady Filippovich Matveev (born in 1943), Doctor of Historical Sciences, Honored Professor of Moscow University, Head of the Department of the History of the Southern and Western Slavs of Moscow State University, one of the leading domestic specialists in the modern history of Poland, tells about his life and professional activities at the request of the editors of the journal *Slavic World* in the Third Millennium. Born on the banks of the Volga, G.F. Matveev spent his childhood and youth in Western Ukraine. Since 1966, his whole life has been inextricably linked with the Moscow University, where he received a diploma in history, completed his postgraduate studies, defended his candidate's and doctoral theses, and where he has been teaching for half a century and was head of the department for more than three decades. The students of G.F. Matveev completed and defended a large number of diplomas, master's and candidate's theses, they work in different cities of the country and abroad. As a historian, G.F. Matveev invariably relies on deep researches in archives, introduces a lot of new material into circulation, his innovative research on the history of the Soviet-Polish war of 1920 caused fruitful discussions both in Russia and in Poland, prompting other historians to further research. Gennady Filippovich is the author of the first fundamental biography in Russian of the key statesman of Poland of the 20th century Józef Piłsudski. Not limited to the problems of Polish history, G.F. Matveev turned to comparative historical research on the material of various Slavic countries, in particular, on the ideology of peasant movements in the period between the two world wars. As an author and editor, he took part in the work on textbooks on the history of the southern and western Slavs. For more than half a century, G.F. Matveev maintains close ties with the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, he is a member of the editorial boards of historical journals, both Russian and Polish.

G.F. Matveev talks about his post-war childhood, youth, impressions of his student years, about his work at the Moscow University, about his numerous trips to Poland and more than half a century of communication with Polish colleagues. He also shares his opinion on the current development and prospects of Polish studies in Russia, the possibilities for further dialogue between the two cultures.

Keywords

Recent history of Poland, Soviet-Polish relations, Moscow University, Slavic studies as a field of historical research

Received 8 November 2023

Revised 8 December 2023

Accepted 12 December 2023

For citation: Matveev, G.F., 2023. “Ia stal ponimat' Pilsudskogo, kogda dostig ego vozrasta”. *Vospominaniia G.F. Matveeva v forme interv'iu* [“I Began to Understand Piłsudski, When I Reached His Age”. *Memoirs of G.F. Matveev in the Form of Interview*]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 212–253. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.15>

Итак, Геннадий Филиппович, если верить Википедии, вы родились 3 ноября 1943 года в Куйбышевской области, село Исаклы. Шла война. Ваши родители там оказались в эвакуации, на Волге?

Нет, это мои родные места. Иса克林ский район. Там, в Куйбышевской области, в нынешней Самарской, довольно мало городов, едешь по федеральной трассе, встречаешь в основном села, я там был несколько лет тому назад. А земля богатая, и вот мои родные жили в этой округе. Папа мой 1900 года рождения. В 1918 году как грамотный человек с шестью классами образования он стал секретарем комитета бедноты, может быть потому, что мой дед, как я смеюсь, «из карбонариев», был выжигальщиком угля. И вот в 1918 году папа был призван в Красную армию, служил до 1926 года. Домой вернулся уже будучи кандидатом в члены ВКП(б) и работал во всяких советских и партийных организациях до 1941 года. В 1930 году его направили на два года в город Куйбышев, впрочем, тогда это еще была Самара, в партийный институт, где готовили партийных работников. Мама была на девять лет моложе, из тех же краев, тоже из небогатой семьи. В 1930 году они начали жить вместе, а расписались только в 1961 году. Мама всегда говорила: «Некогда было, время такое, зачем». Прожили вместе всю жизнь, папа умер в 1975 году, мама — в 1983. Четверых детей подняли на ноги. Папу в 1941 году призвали в армию, он имел тогда уже звание капитана, и на фронте заболел. Получил отпуск. И вот благодаря этому отпуску я и появился на свет. Я был четвертым из тех, кто остался в живых, был еще один мальчик, он умер совсем маленьким вскоре после родов. У меня брат был на три года старше меня, одна сестра 1934 года рождения, еще жива, и старшая сестра, 1931 года рождения, она, как и мой брат, уже умерла.

Рассказывают, что ваш папа участвовал в Советско-польской войне 1920 г. И даже якобы в плену был?

Нет, что касается плена, это великий миф, который породили поляки. Есть такая «Газета Выборча», когда-то я давал им большое интервью и сказал, что папа в 19 лет служил в 1-м коммунистическом полку в составе 3-й армии. Они шли на правом фланге наступающей Красной армии, вдоль границы с Восточной Пруссией. С 3-й армией возникла большая проблема: дело в том, что они потеряли радиостанцию. А это была единственная связь с командующим Западным фронтом М. Тухачевским. Я Тухачевского, честно скажу, не очень уважаю как военачальника, потому что сидеть в Минске и командовать фронтом, который штурмует Варшаву, это, я бы так сказал, не совсем стратегически правильно, все-таки он командующий наступающим фронтом. А управление шло с помощью радиостанций, в каждой армии их было по одной. И вот 3-я армия потеряла свою радиостанцию, поляки захватили. И когда все получили приказ отступить, то эта армия не получила такого приказа. Никакой самолет не прилетел, никакой гонец не приехал. И они продолжали наступать, потому что надо было

форсировать Вислу. Но папа сумел уйти. Я нашел у поляков в документах 3-го оперативного отдела Верховного командования сводки о положении на фронте, там упоминается этот 1-й коммунистический полк. Это был конец августа или сентябрь 1920 года, осталось 200 человек в полку всего. Папа был среди этих двухсот человек, вышел без единой царапины и после этого еще много лет, до 1926 года, с басмачами воевал в Средней Азии.

А как оказалось, что его отправили потом на Украину?

Поскольку он был уже возрастной, 1900 года рождения, где-то в 1942–1943 годах он служил в офицерском полку. Там были люди довольно зрелого возраста, на фронте бегать им было физически трудно, что естественно. Поскольку войска в 1943 году наступали на запад, нужно было создавать военные комиссариаты на освобожденных территориях, и людей к этому готовили. Когда в феврале 1944 года освободили город Ровно и город Здолбунов — районный центр в 12 км от Ровно — отца направили туда в военкомат. Он заведовал 2-й частью, которая занималась, в частности, комплектованием, а еще репатриацией. Отец занимался не поляками, а чехами — это был район чешской колонизации на Волини. В самом Здолбунове чехов было немного, хотя у них при довоенной польской власти был свой банк, и здание школы, в котором я учился, в 1935 году построили чехи для своей гимназии. Рядом, в Квасилове, который находится между Ровно и Здолбуновом, как раз был мощный чешский центр, там у них был Народный дом, жизнь кипела. В общей сложности в польской части Волини чехов было около 30 тысяч. Когда сразу после войны начался обмен населением, все чешские села полностью опустели, жители уезжали. В случае смешанных браков в городах люди чешского происхождения оставались. У меня были одноклассники и друзья — получехи. Женя Петров, мой хороший друг, потом был историком в Брно, он там в школе преподавал, Борис Чеснов. Эти уехали уже в 1960-е годы. А чисто чешские семьи уезжали сразу после войны, и занималась этим армия, а не НКВД.

Первые ваши сознательные воспоминания — это послевоенные годы, как раз Украина.

Да, я там жил до 1962 года, когда меня призвали в армию, и потом в 1965–1966 годах. Одна из причин, по которым мы приехали туда, — семья большая, а в России голод. А поскольку папа там служил, у него, естественно, был паек, и вообще там жилось намного легче. Он выписал семью, получил на это разрешение. Нам дали вагон, приехал сопровождающий, какой-то военный, и мы ехали целый месяц из Куйбышевской области до Здолбунова. Мы приехали туда 4 августа 1944 года, тогда еще бомбили, рядом с нами долго еще стоял разбомбленный большой дом — в нем было отделение милиции. Где-то в 50-х годах его отстроили. У нас была большая щель в саду, и наша семья там пряталась от бомбежек, так что я и под бомбежками успел побывать, но, естественно, не могу помнить этого, мне не было и года. Мы жили недалеко от большой железнодорожной станции,

там расходится железная дорога, есть магистраль, построенная на Львов, а есть другая ветка, на Ковель.

1946 год был неурожайным, многие области СССР охватил большой голод. Есть исторические исследования о том голоде.

Когда мы приехали в 1944 году, там никакого голода не было. После войны был голод. Надо иметь в виду, что мы помогали Чехословакии и Польше, хлеб шел туда, а свои перебивались как могли. Я был самый маленький в семье, и когда я вечером ложился спать, то — по семейному преданию — обычно спрашивал: «Мам, а у нас есть хлеб на завтра?». Она говорит: «Есть». А я: «Положи мне мой кусочек, пожалуйста, под подушку, чтобы я знал, что я проснусь, а хлеб у меня есть».

Вы пошли в школу, и там преобладали украинские ребята? Учеба шла по-русски?

В 1950 году у нас в небольшом городе с 12,5 тысячами населения еще стояли внутренние войска, которые занимались зачисткой края от бандеровцев. Когда я пошел в первый класс, в городе были две русских школы — железнодорожная, которая была далеко от нас, и городская. Украинских школ тоже было две, им отдали лучшие здания в стиле конструктивизма — довоенной польской гимназии. В украинской школе все преподавание с первого класса шло на украинском языке, были только предметы «русский язык» и «русская литература». У нас со второго класса преподавались украинский язык и украинская литература. Сначала было два класса, учились в основном русские, дети офицеров, сверхсрочников. К 1951 году военные части из города увели, и остался один класс. Русских в нем было немного, в основном были дети украинцев, которые приехали из Восточной Украины, но были и местные. Класс у нас был небольшой, максимум 25–30 человек, в отличие от украинских школ, где ребят было больше. Говорили в основном на русском языке, с украинцами общались и на украинском, и на русском. У меня были пятерки по украинскому языку и украинской литературе, я прекрасно знал школьную программу. Польского было много в бытовой лексике. Во-первых, потому что до 1939 года это была Польша. Во-вторых, раньше было много поляков — у нас в городе было два польских кладбища. В 1940–1941 годах многих поляков депортировали во внутренние районы СССР, а в их дома поселили тех, кто приезжал с востока. Мы поселились в доме польского осадника¹, на две семьи, полдома было у военкома, во второй половине жили мы. Оставшиеся поляки выехали в Польшу в 1945–1947 годах, за исключением людей из смешанных браков.

¹ Так назывались польские колонисты-переселенцы, главным образом вышедшие в отставку военнослужащие Войска Польского, участвовавшие в Советско-польской войне, и члены их семей, получившие достаточно крупные земельные наделы на землях с преимущественно украинским и белорусским населением, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. (происходила активная полонизация этих территорий).

Вы говорите о своем общении с украинскими ребятами. Какой была обстановка в крае? Было ли какое-то ощущение беспокойства? Насколько широко было сопротивление тому, что часто называют советизацией?

До конца 40-х годов мы, конечно, в лес не ходили. В 1947–1948 годах папа создавал колхозы, и мы жили в деревне, в чешском селе Миротин. Все чехи оттуда уехали, а приехали русины из Закарпатья. Они были бедные. Местных украинских семей было очень мало, с бандеровцами было спокойно, но у папы все равно хранился полный арсенал: кавалерийский карабин, гранаты, пистолет ТТ, патроны — до леса было не так далеко. Во-первых, я видел бандеровцев, когда они приходили сдаваться по амнистии. Мы жили рядом со зданием милиции, и они приходили туда. Во-вторых, недалеко от нас была городская тюрьма, помню, году в 1949 туда привезли банду — голые тела, прикрытые соломой, и местные люди приходили опознавать, чтобы установить личность, потому что документов никаких не было. Кто-то из местных шел по лесу, увидел дымок и тут же сообщил — многие люди были уже сыты всем этим по горло и хотели, чтобы наступила нормальная мирная жизнь. Никого живыми не взяли — рассказывали, что главарь всех перестрелял и покончил с собой. Эту историю я хорошо помню.

В 1953 году умер Сталин, вы были в третьем классе. Запомнилось что-то?

Конечно, помню. У нас была треугольная площадь в центре города — в одну сторону центральная улица, в другую сторону — улица на Ровно, третья — Фабричная улица — в сторону городской церкви (была еще так называемая железнодорожная), костела, райкома партии. Там стоял памятник Сталину. Я помню митинг, помню, как все рыдали. Все ждали, что будет трагедия: «Как мы без Сталина?». Я сужу прежде всего по своим родителям, отцу в это время было уже 53 года, мужчина с двумя войнами за спиной, не считая басмачей, и тем не менее... Потому что уже привыкли к тому, что было, мир как-то устоялся. Надо помнить, что каждый год в марте было понижение цен. Что касается местных, то мне трудно судить, люди все-таки боялись тогда.

XX съезд партии. Вы уже были в шестом классе.

У меня был друг Дима Куйбид, мой одноклассник. Я помню, в мае или июне 1956 года он говорит: «Ты слышал, что Сталин — враг?». Я говорю: «Да ладно, брось». Видно, его родители что-то слушали, разговаривали между собой, и он сделал свои выводы. Но ведь известно, что с содержанием выступления Хрущева в конце работы XX съезда, того, где он говорил о Сталине и культе личности, знакомили и рядовых коммунистов на партсобраниях по всей стране. Было соответствующее закрытое письмо, его зачитывали. Но, естественно, не школьникам. Папа был на собрании, где зачитывалось такое письмо, но нам ничего не говорил, поскольку оно было закрытое. Как член партии с 1930 года и кандидат с 1926 года, папа ничего никому не рассказывал. В этом отношении у меня отец был очень

сдержанный. Я у него пытался узнать что-нибудь про Советско-польскую войну, он мне говорил: «Ген, ну что я тебе могу сказать? Туда бежали и оттуда бежали». Вот весь его рассказ. Ему было неинтересно, это было то, что прошло, хотя у него была прекрасная память. Потом памятник Сталину сняли с площади и перенесли в скверик к нашей школе. И он там стоял до 1961 или 1962 года.

Понятно, до XXII съезда КПСС, ознаменовавшего так называемую вторую волну десталинизации, после чего его убрали и оттуда. Осенью 1956 года части Прикарпатского военного округа были приведены в боевую готовность в связи с бурными польскими и венгерскими событиями...

В польских событиях у нас никто не участвовал, а в венгерских событиях — мой сосед из дома наискосок. Они были получехи, мать была чешка, по фамилии Худоба. Ее сын в Венгрии был ранен, приехал и что-то рассказывал. Но мы знали обо всем и по другой причине. По железной дороге пошли составы с оружием, поврежденным в ходе венгерских событий. Везли куда-то на переплавку. Пацаны постоянно шмонали по этим вагонам, они не были запломбированы, просто некрытые платформы. Оружие стали таскать. Как сейчас помню — сидим мы на уроке, приходит милиция, хватает моего дружка: «Пошли сдавать оружие». Мальчишек, конечно, никто не наказывал, только родителям сделали внушение.

В школьные годы выезжали, наверное, за пределы города? С родителями или одноклассниками. Киев, Одесса, Львов...

Львов производил впечатление, потому что это был совершенно европейский, польско-австрийский город, украинцы для меня там были совершенно чужеродным телом — совершенно не их культура. В Киеве я тоже был, даже участвовал в республиканских соревнованиях по туризму. В пионерский лагерь я ездил начиная с 4 или 5 класса. Есть такой город — Клевань, там красивый замок, наверное, XVII или XVIII века, от него уже мало что осталось. Там был хороший пионерский лагерь. Бывал я в туристическом лагере под Сарнами, это украинское Полесье, на границе с Белоруссией. Лагерем была бывшая польская пограничная застава, до 1939 г. недалеко проходила польская граница по реке Случь. Очень красивые, хорошие места. Поляки построили там линию обороны, многоэтажные бетонные доты. Их взорвали, и там стояли вздыбленные глыбы бетона, а мы там собирали, как нам казалось, тол. Тогда этого никто не знал, а потом оказалось, что в этом районе есть месторождения янтаря, и мы жгли этот янтарь, думая, что это тол. По берегу реки идешь, смотришь, кусочки желтые, а это, оказывается, янтарь.

Когда у вас впервые проявился интерес к исторической науке? Кто влиял — учителя, какие-то прочитанные книжки?

Во-первых, само место. Рядом, в 30 километрах, Острог — резиденция князей Острожских, очень хорошо сохранившаяся, не все стены, но сохранились здание, башни, костел. Рядом Межиричи, это монастырь, построен-

ный в Средние века, центр просвещения. В Ровно — Замковая улица, которая описана в «Слепое музыканте» В.Г. Короленко, он жил в Ровно, его отец был там уездным судьей. Сама атмосфера повлияла. За лесом — старинное село Тайкуры, по дороге туда была так называемая Девичья гора с легендой, что здесь жила красавица, влюбилась в разбойника, и отец ее замуровал в замке, отсюда название. Замок был разобран еще в XVIII веке, а костел XVII века сохранился. Было кладбище, где похоронены Браницкие, магнатский род. В Здолбунове ничего не было, это была деревня, которая стала городом на рубеже XIX–XX веков, после того как здесь построили железнодорожную станцию. И потом, я очень много читал. К 14 годам я прочитал всю районную детско-юношескую библиотеку, пошел во взрослую библиотеку и там читал все подряд. Единственное, чего я до сих пор терпеть не могу, — это исторические романы. Меня они никогда не интересовали, это то, чем занимаются современные постмодернистские историки. Это было какое-то внутреннее чувство, я уже тогда не читал это, мне было не интересно. В школе у меня была одна учительница, интересная как преподаватель, — Ирина Михайловна, грузинка. Но мне не надо было учить историю, мне достаточно было послушать. Я много знал, и меня даже не каждую четверть спрашивали. Но когда проверка РОНО или ГорОНО, начиналась «моя работа». После этого меня опять оставляли в покое для следующего раза. С последним преподавателем истории у меня был конфликт, она до этого работала учительницей где-то в колонии, и у нее была соответствующая хватка. Когда она пришла, самым главным в отношениях с ней был характер, а не знания. Я ее пару раз «срезал», и после этого она решила, что лучше со мной не связываться и вообще меня не замечать.

Для того чтобы поступать на исторический факультет, надо было овладеть каким-то минимумом знаний...

За время обучения на историческом факультете у меня была одна проверка по историческим предметам — по истории философии. Я всегда приходил и сдавал, совершенно не задумываясь. Любая тема — и я «пел». Никогда не возникало сомнений, что мне ставить. Так мозги устроены. До сих пор мне история интересна не как собирание знания, а как осмысление и производство нового знания. Я сейчас сижу занимаюсь Регентским советом², которым у нас никто не занимался и в Польше тоже никто по-настоящему не занимался. Я смотрю, как создавался и функционирует миф, что Регентский совет был гадостью, потому что в нем сидели соглашатели. А теперь я пытаюсь разобраться, что же там было на самом деле. Во-первых, тогда все были «угодовцами»³: Пилсудский — «угодовец»,

² Регентский совет (Rada Regencyjna) — правительство подконтрольного Центральным державам Польского королевства в 1917–1918 гг.

³ От пол. *ugodowcy* — «соглашатели», сторонники компромиссной тактики во взаимодействии с имперскими властями.

Дмовский⁴ — «уголовец». Кто там не «уголовцы»? Открытые «уголовцы» в этом отношении были самые порядочные люди, они шли в сотрудничестве до определенного предела, а дальше не шли. Они были «уголовцами» в вопросах повседневности, а оказались самыми порицаемыми в польской истории, хотя они самые безобидные.

Итак, вы окончили школу и поехали поступать в Москву...

В 1960 году я окончил школу и поехал поступать в Московский государственный университет. У меня соседкой была учительница из украинской школы, Остапенко, ее сын Витя был года на три старше меня, он поступил в питерский Кораблестроительный институт, приезжал на каникулах, рассказывал про студенческую жизнь — как это здорово и интересно. И я загорелся — хочу стать корабелем! Решил, что буду поступать в Кораблестроительный институт. Математика у меня шла вполне прилично, я закончил школу с серебряной медалью, вроде все было ничего, но особого интереса не было. А потом в «Известиях», которые выписывал папа, я увидел рекламу, что объявляется прием в Московский государственный университет, там список факультетов, и есть среди других исторических. В 1960 году в маленьком городке репетиторов, конечно, не было, и что такое представляет из себя Московский государственный университет, тоже никто не знал. Когда я приехал, здесь жила моя старшая сестра, она спрашивает: «Ты понимаешь, куда ты хочешь поступить?». Я говорю: «Там, где мое место». Меня «резали» два предмета. Во-первых, английский. Беда человека с хорошей памятью заключается в том, что он не привык работать регулярно, потому что он все «хватает», но язык ухватить невозможно. Если есть достаточный словарный запас, ты можешь его использовать, но откуда он мог быть на Украине, в городе Здолбунов? Все, что идет с Запада, глушат, а ни один англичанин туда никогда не приезжал. Во-вторых, сочинение в Московском университете и сочинение в школе — это две разные вещи. В Московском университете это знание текста и сухой разбор без эмоций, а школьное сочинение — это фонтан эмоций. И я с этим фонтаном эмоций приехал. Как сейчас помню, что-то там было по поэзии Маяковского, так и я хорошо помню некоторые его строфы, но ведь Маяковский — это еще знаки препинания, он их ставил так, как ему было интересно, и это все надо было выучить. Наконец, отменили медаль. Если бы она при поступлении имела значение, тогда оставался бы только профильный экзамен. Но когда поняли, что таких, как я, много, профильным экзаменом сделали сочинение — это письменно и сложнее. Я попробовал, испытал себя. Ну, что? Пошел работать в локомотивное депо. Через год поехал второй раз, и опять не получилось. Все повторяется. А историю каждый раз сдаю на пять. Кому я только не сдавал — всей

⁴ Роман Дмовский (Roman Dmowski) (1864–1939) — лидер польских национал-демократов, депутат Государственной думы Российской империи, председатель Польского национального комитета (1917–1919). Считается одним из «отцов-основателей» межвоенного польского государства.

нашей профессуре. В 1962 году еду третий раз. Результат тот же. Мне потом уже говорили, что меня вычисляли, чуть ли не ставки делали — приедет или не приедет. Вдруг пропал — значит, в армию забрали. Три года в армии.

Где служили?

Я служил в очень хороших местах. Сначала Царское Село, казармы Конногвардейского полка. Екатерининский дворец, парк, он кончается Орловскими воротами, которые были поставлены в благодарность графу Г. Орлову за усмирение чумы в Москве в 1771 г. За этими воротами была школа младших авиаспециалистов. Потом было такое местечко Горелово, это между Питером и Красным Селом. Прекрасный был полк, совершенно «авиационная» дисциплина: каждый летчик знает, что его судьба зависит от того, как я «законтрогаю» гайку. Если он будет по отношению ко мне хамом, я могу все что угодно сделать. И последнее — Лодейное Поле на Свири, там, где Петр I строил корабли. Три места. Жалею ли я об этих трех потерянных годах? Честно скажу — нет. Я авиамеханик первого класса, это высший класс. Тогда не хватало солдат, потому что были ограничения — тех, кто сидел в тюрьме, не брали. А делали так: какой-нибудь киоск ограбил, унес бутылку воды, тебя посадили, а в армию потом не берут — судимость. Это был срез нашего общества моего возраста, в том числе в национальном отношении. Со мной служили узбеки, таджики, грузины, армяне, молдаване, украинцы, эстонцы, латыши, евреи. Прибалты были самые замкнутые, особенно эстонцы, но они плохо говорили по-русски, некоторые вообще не говорили. Белорусы были замечательные ребята. Ты должен был найти себя, тебя должны были воспринять как равного. Я хочу сказать, что в этой среде очень высоко ценятся твои умственные способности. Я никогда не был хулиганом: в самоволки ходил, водку пил, не без этого, но я никогда не был человеком, который нарушал устав явно, демонстративно. У меня всегда и со всеми были прекрасные отношения, никогда не было проблем. Умение найти себя в любой ситуации — вот что дает армия. Кроме того, если бы я поступил сразу в 1960 году, а в 1965 году закончил, то мне было бы тогда 22 года, и направили бы меня куда-нибудь преподавать историю партии. В том виде, в котором она тогда преподавалась, я бы ее не смог преподавать, поэтому меня бы выперли очень скоро. А я поступил, будучи взрослым человеком, и преподаватели относились ко мне, особенно когда я уже на кафедру пришел, как к взрослому человеку, к младшему коллеге, а не ученику. Когда я уже заканчивал кафедру, я знал, чего хотел. Я хотел заниматься наукой, а конкретно историей Польши.

В 1966 году восстановили поступление по медали, я пришел после армии и сдавал только историю КПСС. У меня принимают экзамен два человека, и это была судьба! Первый — Михаил Тимофеевич Белявский, профессор с кафедры отечественной истории⁵, муж моей будущей руково-

⁵ Профессор М.Т. Белявский (1913–1989) особенно известен исследованиями российской истории XVIII в., в том числе истории возникновения Московского университета.

дательницы Ирины Михайловны Белявской⁶. С Михаилом Тимофеевичем мы потом были в очень хороших отношениях, а Ирина Михайловна для меня была просто вторая мать. Второй — Иван Драгович Очак, доцент с кафедры истории южных и западных славян, хорват, коминформбюровец⁷, специалист по Югославии. Они принимают у меня экзамен. Как сейчас помню, я «пою» про историческое значение какого-то очередного съезда КПСС, они понимают, что я никогда не закончу. И что-то по феодализму. Я получаю пятерку. А иностранный язык — собеседование с Евгением Александровичем Бонди, завкафедрой иностранных языков⁸. Он понимает, что языка я не знаю, и направляет меня в начинающую испанскую группу. И все проблемы решаются. По разговорам с людьми, которые имели отношение к приемной комиссии и меня помнили, я понимаю, что, наверное, сказали: «Этого парня надо брать с его настойчивостью, и историю он всегда на пять сдает». А мы же не только сочинение писали, мы еще и русский устно сдавали — было четыре экзамена на исторический факультет.

Я попал на кафедру славян⁹. У нас был забавный преподаватель истории КПСС, Алексей Иванович Широков, он был партиец. И он спрашивает: «Ген, а ты на какую кафедру собираешься?». Я говорю: «Хотел бы на вашу кафедру, меня интересует проблема роспуска польской компартии»¹⁰. Он говорит: «Чего? Иди к славянам, у них можно заниматься чем угодно». И я пошел к славянам. Первую свою курсовую я писал по польской компартии. И когда я познакомился с литературой, я понял, что этой темой занимаются одни «догматики» и делать там совершенно нечего.

Проблем с изучением польского языка не было?

У нас была преподавательница с филфака, Зоря Моисеевна Холонина, потом она сошла с ума. Ее «несло»: она приходила на занятия, мы разбирали какой-то текст, и она начинала серию рассказов по-русски — про папу-НКВДешника и так далее, чего только не рассказывала, все, кроме польского языка. Тем не менее, все мы его выучили как-то. Конечно, когда знаешь украинский и русский, проблем нет.

⁶ Профессор И.М. Белявская (1913–1975) по сути заложила основы подготовки историков-полонистов по новой и новейшей истории на историческом факультете МГУ.

⁷ Так называли югославских коммунистов, которые встали на сторону СССР в ходе советско-югославского конфликта, развязанного в 1948 г. Образованное осенью 1947 г. и существовавшее до весны 1956 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро) было важнейшим инструментом в ходе массовой антиюгославской кампании, инициированной Сталиным.

⁸ Профессор Е.А. Бонди (1923–2006) возглавлял кафедру иностранных языков исторического факультета МГУ в 1965–1983 гг. Автор учебных пособий по английскому языку.

⁹ То есть истории южных и западных славян истфака МГУ.

¹⁰ Имеется в виду роспуск польской компартии по инициативе Сталина в годы «большого террора» в 1938 году. Межпартийная комиссия, рассматривавшая в 1956 году этот вопрос, признала решение необоснованным.

А какие темы были — курсовых работ, дипломной?

Первую курсовую я, как уже сказал, написал по истории КПП и понял, что это не мое. У меня была стажировка на пятом курсе. Первый раз мы поехали на практику после третьего курса, это был 1969 год, четырехнедельная практика, мы хорошо поехали по Польше. Нас сопровождали польские студенты, потом они приехали сюда в Москву. Тогда у меня установились первые контакты с поляками. Многих уже нет в живых, но со Сташеком Грегоровичем мы дружим более пятидесяти лет, он долго работал в Москве в посольстве. После четвертого курса были военные лагеря, а потом снова стажировка — уже десятимесячная. Тогда по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР давали приличные стипендии, я получал, по-моему, тысячи полторы злотых, а средняя зарплата была где-то 1200 злотых. Бесплатное общежитие, бесплатный проезд — все это мне компенсировали. Для дипломной работы я выбрал тему политической борьбы в Польше в 1925–1926 годах, то есть канун переворота и государственный переворот¹¹. У меня был приятель-философ Валера Легостаев. Помните, был скандал со статьей Нины Андреевой в годы Перестройки¹²? Вот эту статью пропустил в печать Легостаев, он работал у секретаря ЦК, который отвечал за эти дела¹³. А тогда Валера говорит мне: «Слушай, ну что ты будешь ручкой писать? Ты пиши карандашом, карандаш всегда можно ластиком стереть». Я написал часть своей дипломной работы карандашом. А дипломная работа была минимум страниц 140. Приезжаю из Польши в конце мая — и начинаем с Ириной Михайловной работать. Я отдаю ей свои карандашные заметки, она, ни слова не говоря, берет все это править, а я пишу дальше уже ручкой. Мы с ней эту работу написали, наверное, за две недели. А защиты все уже кончились, остаюсь один я. Ради меня назначают дату защиты. Я отдал текст Ирине Михайловне, она внесла коррективы, я учел все ее замечания, везу к машинистке, та печатает. После машинистки надо еще раз читать. Наконец, буквально накануне защиты я отвожу оппонентам — раньше не успеваю. Оппонентами у меня были как раз Очак и Иван Александрович Воронков¹⁴. Я прихожу домой и говорю жене: «Ты знаешь, я немножко отдохну, потому что я не спал». А надо же еще сноски вписать — да, были машинки, где можно головку менять, но тогда их было не достать. И я засыпаю — а я должен был Ирине Михайловне отвезти

¹¹ Речь идет о майском перевороте 1926 г., завершившемся приходом к власти Ю. Пилсудского и его сторонников и установлением авторитарного «режима санации».

¹² Статья преподавательницы Ленинградского технологического института Н.А. Андреевой «Не могу поступить по принципам», опубликованная 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия», стала манифестом антиперестроечных сил.

¹³ В.М. Легостаев был помощником члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева. Выступал как публицист.

¹⁴ Доцент И.А. Воронков (1921–1983), полонист, возглавлял кафедру южных и западных славян МГУ в 1961–1973 гг.

уже готовый переплетенный вариант. Жена меня будит, а я проснуться не могу, я начинаю хохотать. Она звонит Ирине Михайловне: «Не знаю, что делать, Гена только хохочет». Она говорит: «Оставьте его в покое, Лена, пусть спит». Такое нервное напряжение было. После этого я ни одному студенту, как бы поздно он мне ни отдал работу, никогда не делал замечаний.

После защиты у меня встала проблема выбора: или в МИД, по линии которого у меня было предложение в новое консульство в Шечине, или в органы, или в аспирантуру, или в Институт славяноведения. Поскольку как раз в 1971 году у нас родилась дочь, а у жены была очень сильная аллергия, я решил, что МИД мне не подходит. Это было не мое, я посмотрел, что такое жизнь дипломата. Самое страшное — ты живешь в замкнутой среде, из которой тебя быстро выпрут, если ты начнешь с местными водить контакты. Я человек общительный. Кроме того, после возвращения из заграникомандировки мне никто не гарантировал трудоустройства в МИДе. Идти в аспирантуру? Значит, не смогу заниматься диссертацией, потому что семья будет отнимать много времени. Остался один Институт славяноведения, сектор Недорезова¹⁵. Собралась вполне хорошая компания: Бела Желицки, Андрей Иванович Пушкаш¹⁶, еще по Румынии специалист была... В общем, этой компанией мы должны были сесть и написать историю стран народной демократии. Но никто не занимался этим периодом: Бела занимался в то время XIX веком, Андрей Иванович и я — межвоенкой. Я говорю: «Александр Иванович, может, мы какие-нибудь сначала очерки продумаем?». А он: «Нет, мы пишем». Сочинили проспект этого обобщающего труда, списали где только могли. Я понял, что это не мое, что мне неинтересно. С Иваном Ивановичем Костюшко¹⁷ я тогда уже познакомился, но ему не нужен был специалист по межвоенной истории — у него была Михутина¹⁸. И я встретился с Воронковым, говорю: «Иван Александрович, дома более-менее все стабилизировалось, дочери уже второй год, жить можно, я хочу в аспирантуру». По идее, я должен был два года отработать в Институте, поскольку я пошел туда по распределению. Но с Дьяковым¹⁹,

¹⁵ Александр Иванович Недорезов (1919–2002) оставил ряд работ по новейшей истории Чехословакии.

¹⁶ Бела Йозефович Желицки (родился в 1936 г.), Андрей Иванович Пушкаш (1923–2008) известны прежде всего как специалисты по венгерской истории.

¹⁷ Иван Иванович Костюшко (1919–2018), историк-полонист, возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР отдел межвоенной истории. Более двух десятилетий был главным редактором журнала «Советское славяноведение» с момента его основания в 1965 г.

¹⁸ Ирина Васильевна Михутина (1938 г.р.), автор работ по проблемам польской истории в межвоенный период. Позже занималась также украинским национальным движением в Российской империи.

¹⁹ Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) оставил след в науке многочисленными исследованиями по истории польского общественного движения в XIX в., восстания 1863–1864 гг., а также общественной мысли дореволюционной России. Зарубежный член Польской академии наук.

замдиректора, у меня тогда были хорошие отношения, и он меня поддерживал. Недорезов грозил мне взысканиями по партийной части, но я сказал: «Все, ребята, я ушел из Института». И, собственно говоря, с 1972 года, вот уже 50 лет, я никуда с кафедры не уходил.

Вы ездили в Польшу, общались с молодыми поляками, со студентами. Насколько они были откровенны с вами? Поднимались ли острые темы — расстрел пленных польских офицеров в Катыни в 1940 году, Варшавское восстание 1943 года?

Когда я приехал, у меня был железный принцип — я не общался с русскими, только с поляками. Там было землячество, клуб, дом советской культуры — но я туда не ходил. Во-первых, там все были стукачами. Во-вторых: с русскими ты будешь говорить только на русском языке — а зачем ты тогда приехал? Я ходил на семинар, у меня руководителем был очень известный профессор Анджей Гарлицкий²⁰, у нас сложились хорошие отношения, и мы контактировали до его смерти, с его учениками я тоже познакомился. Я очень много узнал от поляков, с которыми общался. Как я уже сказал, я очень близко сошелся со Сташеком Грегоровичем — у него бабушка была русская, он занимался польско-советскими отношениями, русский язык знал не очень, но я с ним по-польски говорил. Мы с ним спорили — у меня своя позиция была по многим вопросам, у него своя. Это был 1970 год, как раз события на Побережье²¹. У Сташека в Гдыне жила сестра, она была замужем за офицером-морьяком, и, хотя связь была перекрыта и по радио не было никаких известий, о декабрьских и январских забастовках все знали: «голоса» доносили, это же портовые города. На майские праздники 1971 года мы со Сташеком поехали к его сестре в Гдыню и много разговаривали там с местными. Я застал в Польше все кризисы 70-х годов: в 1976 году я приехал туда со студентами в середине июня²², в конце сентября 1980 года я приехал на стажировку²³, а уехал в начале мая 1981 года. Все проходило у меня на глазах. Я видел Валенсу, выходящего после регистрации «Солидарности» в воеводском суде Варшавы, я стоял в этой толпе — там неподалеку было наше общежитие. Всю эту историю я, можно сказать, пощупал руками²⁴.

²⁰ Гарлицкий (Garlicki) Анджей (1935–2013) — польский историк и публицист, автор монографий по истории Польши первой половины XX в., автор биографий Ю. Пилсудского и Б. Берута.

²¹ Расстрел в Гданьске в декабре 1970 г. демонстрации рабочих, протестовавших против повышения цен, привел в конце концов к отставке первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки.

²² В конце июня 1976 г. по Польше прокатилась волна забастовок и протестных действий, спровоцированная объявлением правительством П. Ярошевича резкого повышения цен на продукты питания и некоторые товары широкого потребления.

²³ Глубокий общественно-политический кризис в Польше 1980–1981 гг. начался в августе 1980 г. с мощных забастовок на гданьском побережье.

²⁴ Объединение польских независимых профсоюзов «Солидарность», созданное в результате массового забастовочного движения августа — сентября 1980 г., было офи-

Вы были студентом, а это непростое время — вспомним хотя бы 1968 год. Что происходило в студенческой среде в связи с событиями в Чехословакии?

В Польше я бывал на многих вечеринках. «Проверка» всегда начиналась со Львова и Вильнюса. Я быстро сориентировался, что их интересует не мое мнение, а моя реакция. Я стал говорить, что мне ни Львов, ни Вильнюс не нужны: «Приходите и забирайте». После этого стало ясно, что не о чем спорить. А что касается событий 1968 года, то мне хорошо помнится вся предшествовавшая им череда пленумов, встреч и так далее. В июле мы уехали в стройотряд, первый и единственный реставрационный отряд в истории исторического факультета МГУ. Мы реставрировали усадьбу Грибоедова в Хмелите, под Вязьмой. Когда мы приехали, это была полная руина без крыши и с окаменевшими удобрениями, которые там хранили. В нашем первом стройотряде из истфаковцев были Ефим Пивовар²⁵, Сергей Соловьев, Репина Лорина Петровна²⁶ из Института всеобщей истории. У нас был очень большой курс, потому что в 1966 году в школах был двойной выпуск — 10 и 11 классы. На истфаке на дневном отделении училось 240 человек плюс двойная вечерка плюс двойные искусствоведы. Огромный курс. Галя Наумова, Юра Терещенко, Зоя Ненашева²⁷, Таня Волокитина²⁸, Света Бочкарева²⁹ — все с нашего курса. Так вот, возвращаясь к 1968 году. Мы восстанавливали эту усадьбу, поставили там леса, я съездил в Смоленск, получил расчет. И как раз в конце августа, когда войска уже ввели, я ехал домой. Поезд шел через Киев до Казатина, из Казатина на Шепетовку и дальше на запад. И я поразился: на всех платформах, полустанках, грузится военная техника — это замещали войска, которые ушли в Чехословакию. И на меня это произвело впечатление — какая же мощь! Я десятки раз ездил по этому маршруту, знал, что где-то там есть аэродром, но тут было что-то невероятное.

Вы ездили в Польшу в 70-х годах. Было ли для вас неожиданным то, что произошло в 1980–1981 годах? Вы видели, что настроения меняются, становятся более протестными?

В первой половине 70-х годов, особенно с 1972 года, когда начался «польский путь к социализму в чужих ботинках», когда они за счет западных кредитов стали подниматься, поляки процветали. Они были счастливы,

---

циально зарегистрировано 10 ноября 1980 г. Его численность достигла в 1981 г. 10 млн человек. Лидер «Солидарности» Лех Валенса (1943 г. р.) позже, в 1990–1995 гг., был президентом Польши.

²⁵ Ныне академик РАН.

²⁶ Ныне член-корреспондент РАН.

²⁷ Зоя Сергеевна Ненашева — доцент кафедры истории южных и западных славян МГУ.

²⁸ Татьяна Викторовна Волокитина — зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН.

²⁹ Светлана Ивановна Данченко — зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

любили Герека³⁰ и социализм, потому что в стране появилось много денег. Но во второй половине 70-х годов настроения стали меняться, это было очевидно. У нас, славян, есть врожденная черта — мы очень не любим правительство, которое в данный момент существует, даже если мы сами его поставили. Другого развития событий не бывает. У нас слишком эмоциональное отношение к нашим правительствам. Конечно, это чувствовалось. Поляки начали жаловаться — нет колбасы и мяса. Это два самых важных продукта. Поляки говорили о качестве. Мы к тому времени уже ели бумажную колбасу, а они еще к этому не пришли. Ведь первые протесты, которые начались в 1980 году, протесты текстильщиц в

Люблине, в Белостоке — колбаса перестала пахнуть колбасой. У меня был ученик из Люблина, хороший парень, он работал на мясокомбинате одним из директоров, то ли по сбыту, то ли по рекламе. Рассказывает: «Из килограмма мяса получается кило четыреста продукта. Остальное — всякие загустители, разрыхлители и прочее. А должно получаться максимум 700 грамм». И поляки это чувствовали, потому что они помнили, как пахнет настоящая колбаса. Еще один ученик был из Варшавы. Приглашает меня в гости, прихожу, он говорит: «Мы стояли в очереди, купили ветчину». Я говорю: «Адам, а зачем в очереди стоять?». А он: «Так это частная, там надо постоять». В 1976 году что получилось? Решение о повышении цен принимается правительством, происходит это в субботу, в июне, когда уже начался сезон отпусков, а люди не на работе. Якобы по согласованию с коллективами крупных предприятий. Народ, естественно, говорит: «Нас обманули». Это общество «зажигалось» очень легко: стоило сказать, что на корабли грузится мясо, колбасы, ветчина — и все это идет на Запад, а нам — коммерческая торговля. А зарплаты-то не повышают. На этот раз уже интеллигенция возглавила движение сопротивления — тот же Михник,

³⁰ Эдвард Герек (1913–2001) был первым секретарем ЦК ПОРП с декабря 1970 по сентябрь 1980 г.

тот же Модзелевский³¹. Они хорошо учили историю КПСС — соединение стихийного рабочего движения с научной идеологией. Они сделали ровно то же: внесли в стихийное рабочее движение любителей мяса и колбасы идеологию улучшения социализма, то, что в 1968 году было в Чехословакии. Это не отказ от социализма, потому что такое тогда бы не очень прошло, а придание ему «человеческого лица», тем более что это легко было обосновать — вот Югославия, пожалуйста.

Чрезвычайное положение, введенное в декабре 1981 г., было отменено летом 1983 г. Вам удавалось приезжать в Польшу в 1980-е годы?

В 1981 году я вернулся — и все. Всех студентов отослали. У меня был студент, Гриша Ермаков, который там учился на истфаке и даже был женат на польке, но и его выслали — заканчивал уже здесь, в Москве. Выслали и Юру Бондаренко, это бывший директор российско-польского Фонда диалога и согласия, тоже истфаковец, но там он учился на филфаке. В следующий раз я поехал в Польшу только в 1988 году на конференцию, посвященную 70-летию независимости, по-моему, она была в начале ноября. Время было совершенно не интересное: темная, абсолютно не освещенная, ужасно выглядевшая Варшава. Потом, с 1989 года, я ездил в Польшу каждый год, даже по нескольку раз, и последний раз был там в 2019 году. С Варшавой у нас отношения постепенно охладели, потому что ушли люди, которые были заточены на сотрудничество с нами, и я переключился на Лодзь. У меня там хорошие друзья, кое-кто до сих пор еще живет.

Кафедра истории южных и западных славян истфака МГУ. Там была вроде бы неплохая обстановка. Вы пришли, закончили аспирантуру...

Обо всех внутренних распрях на кафедре я узнал уже будучи сотрудником и аспирантом, присутствуя на заседаниях кафедры. Есть такой известный принцип — кто-то должен втыкать палку в муравейник. Коллектив всегда сам вырастет и выдвинет человека, который будет портить жизнь коллективу, это есть везде. Как только он уходит или умирает, на его место выдвигается другой. Это, как правило, люди с очень большими амбициями, даже не в науке, а чаще — в административных делах. При этом неспособны реализоваться. Чаще всего они ставят вопрос о том, что ими неправильно руководят: надо делать все по-другому, и тогда мы начнем фонтанировать.

Когда вы стали преподавать, вы понимали, что славянский мир не только разнороден, но и раздираем противоречиями? В то время у нас в газете «Правда» нельзя было, например, писать о том, что в Болгарии существует сильная, скажем так, тоска по Македонии, история которой начиная с раннего Средневековья тесно переплетена с болгарской историей, а говорят там на языке, очень близком болгарскому. Вы студентам рассказывали про это?

³¹ Адам Михник (1946 г.р.), Кароль Модзелевский (1937-2019) — видные деятели и идеологи польского оппозиционного движения в 1970-1980-е годы.

В университете есть два направления преподавания. Есть специализация: я читаю полонистам историю Польши и сопутствующие курсы. С ними я могу о многом говорить, у меня на это больше времени. А когда выходишь на общий курс, там сидят люди, для которых это просто один из предметов, не профильный, и им надо дать материал по всем южным и западным славянским странам, когда-то их было четыре, а сейчас их больше. Применительно к новой и новейшей истории все проще, потому что история уже развивается синхронно, так, например, все синхронно обретают независимость. Я предложил такую периодизацию: «первая волна» независимости — это Балканы, XIX век, она заканчивается к 1878 году (окончание русско-турецкой войны, завершение Восточного кризиса, Берлинский конгресс). Потом была Первая мировая война, с ней связана «вторая волна» обретения независимости. Вроде как освобождаемся от инонационального гнета, но получаем взамен славянский гнет: вспомним отношения между славянскими народами в межвоенных Югославии, Чехословакии. Потом 90-е годы — и это уже «третья волна» обретения независимости. Происходит дальнейшая атомизация наших стран, и теперь уже у всех народов есть свои государства. Кому от этого хорошо? Я долго думал над этим. Этот процесс начинается с подачи Соединенных Штатов Америки. Американцы ничего не понимали в европейской политике, они вообще ей не занимались, потому что действовала доктрина Монро с ее принципом «Америка для американцев». Их интересовал Американский континент. Но многие

эксперты американской делегации на Версальской конференции, на мирных переговорах в 1919 году — евреи из Восточной Европы, которые знали ее лучше нас с вами. Они знали и то, как ее можно развалить, а единственная возможность это сделать — по национальному принципу. США — это счастливая страна, которой национализм не грозит, там есть только расизм. Ни у кого нет права на национальную территорию, кроме индейцев, которые жили, а иногда и до сих пор живут в своих резервациях, это их «государство».

Ваш регион интересный. Были империи — Германская, Австро-Венгерская, Российская, Османская. Потом они стали разваливаться — после Первой мировой войны четыре империи развалились.

Я считаю, что развалились потому, что американцы предложили новый принцип устройства Европы на национальной основе. Англичане поскрипели зубами, потому что их европейских владений это тоже касалось, и они тут же получили независимую Ирландию. Французов это касалось в меньшей степени, их колонии были за морями. И Европа начала распадаться. Что сейчас? Осталась Германия, которой некуда распадаться. Испания и Бельгия как полиэтничные государства, вероятнее всего, распадутся, им деваться некуда. У нас будет континент мини-государств, и американцы с этими мини-государствами могут делать все что угодно. Так что это хорошо продуманный, далеко идущий план, на мой взгляд.

Вы изучаете славянские народы. Это старый спор — нужно ли изучать историю славян прежде всего в имперском, региональном контекстах? Мне как ученику Т.М. Исламова, последовательно выступавшего за региональный, а не национальный подход к истории, кажется, что этим должна заниматься ваша кафедра, и тут должны присутствовать румыны, венгры, греки...

Университетское образование — образование традиционное. Как только университет начинает заниматься изобретениями, все разваливается. Чему, с вашей точки зрения, учит университет? Чему учит истфак? Мы учим аналитике. И ничему другому на историческом факультете не учат. История Польши — это то, что тебе интересно, но на этом материале ты овладеешь главным — умением анализировать несколько текстов и создавать очередной текст, четвертый, пятый, десятый и так далее. Ничему другому тебя не учат. Это наше величайшее достоинство. И на чем учить? Брать целиком империю? Вот, например, Австро-Венгрия — сколько там наций и народов живет? Представьте себе специалиста, который мог бы заниматься всем этим конгломератом. Невозможно! Все равно будет какая-то кочка, с которой ты будешь на это смотреть.

В 1992 году вы защитили докторскую диссертацию, у вас вышла книга, посвященная идеологии аграризма в Польше и Чехословакии. Аграризм — это «третий путь» по отношению к капитализму и социализму. С тех пор вы приобрели свой личный опыт — уже тридцать лет живете в условиях то ли капитализма, то ли недокапитализма. Идеология, изучению которой вы посвятили часть своей жизни, — насколько она перспективна?

Во-первых, единоличное крестьянство даже там, где оно сейчас вроде бы возродилось, составляет меньшинство. Исчезает самое главное для этой идеологии. Почему считали, что крестьяне могут строить свое государство? Потому что они — большинство, ведь всякая демократия — для большинства населения. Раз большинство — крестьяне, значит, надо строить не социалистическое государство для рабочих и не либеральное для буржуазии, а государство для этого большинства. Но такого государства нет. Одновременно с восточноевропейским аграризмом — чехословацким, болгарским, сербским, польским, румынским, венгерским — во Франции рождался другой аграризм. Выходом для французского аграризма были колонии: французы должны были туда уезжать, селиться там и решить тем самым проблему малоземелья. В Германии в XIX веке рождается юнкерский аграризм. Юнкерам просто нужно государство, которое будет защищать их интересы от наплыва русского и особенно американского зерна, которое их разоряет. Тогда была социальная база, а сейчас нет социальной силы, на которую такая идеология бы ориентировалась. Национальная идеология ориентируется целиком на нацию, но за этим стоит определенная группа людей, которые говорят, что олицетворяют интересы нации. Это те люди, которые находятся у власти. Они активно играют национальными идеологиями. А что им сейчас можно противопоставить? Ничего. Рабочего класса и крестьянства как таковых нет, средний класс непонятно в какую сторону идет, и вообще непонятно, что это такое. Сейчас эта проблема потерялась. Последняя попытка — «народные демократии» 40-х годов, они пытались привлечь крестьян, и последователи аграризма пытались в «народной демократии» что-то найти.

Там слишком рано все стало предопределено. Магистральная тенденция шла понятно куда.

Если говорить о Польше, то ее судьба, начиная с разделов, то есть с конца XVIII в., всегда была полностью завязана не на внутренних, а на международных процессах. В плохом месте они находятся. Дмовский был прав: «Нам было бы хорошо быть на месте Бразилии». А у них с одной стороны Россия, с другой — Германия. С моей точки зрения, есть несколько вещей, которым учит история Польши. Первая — нельзя обижать великие нации. Всегда отольются кошке мышкены слезки. Нemoшь великой державы всегда будет недолгой, это временное состояние. Такова реальность, и с этим надо считаться. Второе — никогда не исчезает память великого прошлого. Поляки уже почти 250 лет как не империя — и что? У них великодержавный менталитет, и никуда от этого не денешься.

В этой связи вспоминается как раз советско-польская война 1920 года. Это тоже было не только идеологическое противостояние, за каждой стороной стояла определенная традиция государственности.

Я в последние годы немного занимался этой проблемой. Ленин реально расстался с идеей мировой революции где-то в марте 1919 года...

Лично я думаю, что после падения Венгерской советской республики к августу 1919 г. Апрель, май — в это время у него еще проявлялся оптимизм, а в июле он понимал, что это уже не пройдет...

В начале марта 1919 года готовится проект новой программы РКП(б). И Ленин делает наброски к программе, они опубликованы. Там есть мировая революция. А берете программу, принятую в 1919 году в конце марта, — и там уже нет ничего о мировой революции.

А его переписка с Белой Куном³², когда он его побуждает к действиям?

Это авантюризм Ленина. Он был из категории деятелей, которые говорят: «Главное — ввязаться, а там посмотрим». То, что пишут в частной переписке, не имеет прямой связи с перспективами развития. Важно донесение до общества того, что ему нужно в этот момент. Он понимал — говорить обществу, что будет мировая революция, нельзя, потому что ее не видно. Еще в феврале 1919 года в Париже появляется идея конференции русских правительств на Принцевых островах³³. Кто дает на это согласие? Один Ленин, больше никто на это не идет. Мало того, в Москву едут эмиссары. Один от англосаксов — У. Буллит³⁴ в марте 1919 года, его принимает Ленин, второй — поляк А. Венцковский в апреле, его обхаживает Чичерин. Советское руководство надеется, что кошмар гражданской войны, особенно тяжелый в 1919 году, кончится и можно будет заняться мирным строительством. Какая тут мировая революция? Надо сохранить то, что есть. Ленин берет этот курс, и ему его соратники так поверили, что 16 июля 1920 года, когда собирается пленум ЦК, чтобы ответить на ноту Керзона³⁵, Ленин ошарашивает всех, предлагая помочь пролетариату Польши советизировать страну. Все члены ЦК шокированы. Бухарин что-то подозревал, он уже ранее говорил Е.А. Преображенскому, что Ленин что-то замышляет. Вы что, думаете, Красная армия собралась советскую власть открыто устанавливать? Ленинский план выглядел так: разгромить польскую армию и заставить Польшу вступить в мирные переговоры. Заручиться поддержкой Великобритании, которой Верховный совет Антанты поручил посредничество с Москвой, поскольку уже были налажены двусторонние контакты. В августе 1920 года в Лондон приезжает наша делегация во главе с Л. Каменевым, лич-

³² Кун Бела (Kun Béla) (1886–1938) — деятель венгерского и международного коммунистического и рабочего движения, фактический глава Венгерской советской республики 1919 г. Репрессирован в СССР.

³³ Архипелаг в Мраморном море, пригород Стамбула. Речь идет о нереализованных планах проведения международного совещания с участием представителей всех политических групп и государственных образований бывшей Российской империи и держав Антанты, которое предполагалось созвать по инициативе последних на Принцевых островах для выработки договора о дальнейшей судьбе России.

³⁴ Буллит Уильям (1891–1967), американский государственный и политический деятель, первый посол США в СССР.

³⁵ Речь идет о предложенной в 1920 г. министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном демаркационной линии между Польшей и РСФСР.

ным другом Владимира Ильича, облеченным широчайшими полномочиями, и ведет с Ллойд-Джорджем переговоры³⁶, в том числе о мире с Польшей. Цель переговоров — заставить ее с помощью англичан заключить с нами мирный договор. Проект мирного договора подготовлен и представлен Ллойд Джорджу, по нему Польша имеет право сохранить армию в 50 тысяч штыков. Польша разоружается, отдает вооружение, демобилизует оборонную промышленность. Предлагаем Польше границу даже восточнее линии Керзона. Одновременно создается 100-тысячная рабочая милиция для поддержания порядка в стране. Эта часть плана предназначена для широкого оглашения. Но есть и вторая часть плана, не публичная. Польские коммунисты создают Польский революционный комитет в Белостоке, который формирует польскую Красную армию. Рабочая милиция будет создаваться только из коммунистов, левых социалистов и членов профсоюзов. Именно ей будет отдано оружие, которое мы забрали у армии. Арифметика говорит сама за себя. 100 тысяч человек, имея в том числе тяжелое вооружение, решают вопрос о власти однозначно. Создается советская Польша. А Красная армия уже ушла из Польши на 50 км от будущей границы и к тому, что происходит в Польше, не имеет отношения. Ленин все продумал. Но этот план провалился, и 22 сентября 1920 года Ленин от курса на мировую револю-

³⁶ Дэвид Ллойд-Джордж (1863–1945) был премьер-министром Великобритании от либеральной партии в 1916–1922 гг. Один из «архитекторов» Версальской системы международных отношений.

цию вновь отказывается. В этот день он сказал: мы ошиблись, советизации Польши не будет, мы снимаем этот лозунг. Все, больше нет советизации. И берется курс на безотлагательное заключение перемирия с Польшей.

Для того, чтобы понимать все то, что вы рассказываете, надо овладеть огромной массой документов. В 1991 году вы возглавили кафедру, и одновременно это был период, когда открылись архивы. Вы устремились туда в числе первых.

Историки наши в основной массе в архивах работать не любят, они любят переписывать друг у друга. В военном архиве (то есть РГВА) было много интересных материалов, это фонды Второго отдела польского генштаба, то есть разведка и контрразведка. Я нашел там интересные материалы по польской акции против Чехословакии в 1938 году³⁷. В Польше два тома опубликовали³⁸, я туда отвез документы, все это было согласовано с руководством архива. Как-то мне позвонил декан Карпов³⁹, сказал: «Тут звонят из Росархива, они работают над проблемой красноармейцев в польском плену, просят, чтобы ты помог, потому что нужен специалист». Я включился, сделали большой том — около тысячи документов, основную массу с польского я переводил⁴⁰. Это был правительственный грант. Поездили в Польшу, хорошо поработали там в военном архиве, мне помогали мои друзья-поляки. На основании этого я сделал монографию, которая также была переведена на польский⁴¹. Еще был проект по подготовке четырехтомника документов по польско-советским отношениям, своего рода дополнение к тем двенадцати томам, которые сделал Инслав⁴². Мне достался первый том, он должен был охватить период конца 1918 — середины 1926 года, и я этот том сознательно сделал так, что там очень мало документов по 1922–1925 годам. Во-первых, есть документы, которые уже были опубликованы, во-вторых, там ничего не происходит — два параллельных движения, очень мало связанных. Зато в этом томе огромный пласт документов по дипломатии периода войны и по мирным переговорам, о которых никто

³⁷ В условиях раздела чехословацкого государства.

³⁸ *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P. "Powstanie" na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: ADIUTOR, 1997; Samuś P., Badziak K., Matwiejew G. Akcja "Łom". Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: ADIUTOR, 1998.*

³⁹ Сергей Павлович Карпов (1948 г. р.) — известный историк-медиевист, специалист по истории Византии, Причерноморья, Италии в Средние века. Академик РАН (2011). Декан исторического факультета МГУ в 1995–2015 гг., президент с 2015 г. Однокурсник Г.Ф. Матвеева.

⁴⁰ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922. Сборник документов и материалов. М.: Летний сад, 2004.

⁴¹ *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина МЕДИА, 2011.*

⁴² Речь идет о многотомном документальном издании «Документы и материалы по истории советско-польских отношений».

у нас давно не было⁴³. Трудность работы в Архиве внешней политики Российской Федерации в том, что он ведомственный, читателям описи не дают. Там ты начнешь получать документы только тогда, когда будешь долго мазолить им глаза. Руководство, когда поступало письмо с просьбой разрешить работу, писало резолюцию: «Дать то, что давали другим». Ты ходишь день за днем и получаешь документы, уже введенные в научный оборот другими. Но надо продолжать ходить. Так вот я доходил до того, что мне стали давать документы, которые с момента их передачи на хранение в архив никто не видел. Они открывают новое направление исследований, жаль только, что это будет делать кто-то другой, а не я. Но я включил несколько документов из этого фонда в сборник в надежде, что они заинтересуют кого-то из молодых исследователей.

⁴³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. Том 1: 1918–1926.

Еще один случай — звонит Сорокин из РГАСПИ⁴⁴, говорит: «Мы тут выставку делаем, 2021 год, столетие Рижского мира⁴⁵, готовим проспект выставки, не напишете ли вводную статью?». Он мне для этого давал все электронные копии документов. Сейчас у меня есть студентка, которая пишет исключительно по Рижскому миру. Там есть сюжеты, о которых никто ничего не знает, и я надеюсь, что в аспирантуре мы с ней эту проблему «закроем».

Поляки внимательно читают то, что вы пишете — в том числе и биографию Пилсудского⁴⁶.

Это было самое простое — написать биографию Пилсудского. Мне когда-то в 1980-х годах позвонили из «Аргументов и фактов»: «Геннадий Филиппович, не могли бы вы написать о перевороте, о Пилсудском^{47?}». Я говорю: «Вы знаете, вот Александр Яковлевич Манусевич⁴⁸ напишет, а я не готов к этому». Потому что Пилсудский старше меня. Писать биографию человека, который старше тебя, с моей точки зрения, вообще ни в коем случае нельзя. Человек по мере своей жизни меняется, не зря же говорят, что молодой обязательно должен быть революционером, но если он остается им в старости, значит, он не поумнел, он должен был стать консерватормом. Я стал понимать Пилсудского, когда достиг его возраста. Гитлер, Сталин, Муссолини, Черчилль, Рузвельт — это была плеяда политиков, которые родились во второй половине XIX века и активно действовали в межвоенный период. Им были нужны не деньги, а власть, у них была идея, и власть была нужна ради ее осуществления. Это психология человека, который во что-то верит. Муссолини перестал верить в Бога, поверил в идею, и ему важно было ее реализовать. Когда Пилсудский умер, у него остался парадный маршальский мундир и еще несколько ношенных мундиров легионерского покроя, этого ему было достаточно, ему не нужно было богатство.

Геннадий Филиппович, в ваше студенческое время поляки учились на истфаке?⁴⁹

Конечно. На истфаке их было немного, в основном они учились на физическом, экономическом, географическом... Наш факультет даже был ответственным за сотрудничество с польским землячеством. В октябре мы

⁴⁴ Андрей Константинович Сорокин — в 2010–2020 гг. директор, в настоящее время научный руководитель Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Один из основателей, ныне главный редактор издательства РОССПЭН.

⁴⁵ Мирный договор между РСФСР и СССР с одной стороны, и Польшей с другой. Подписан 18 марта 1921 г. в Риге.

⁴⁶ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008.

⁴⁷ Речь идет о майском военном перевороте 1926 г., фактически означавшем установление власти маршала Юзефа Пилсудского (1867–1935).

⁴⁸ Манусевич Александр Яковлевич (1913–1997) — специалист по новейшей истории Польши. Заслуженный деятель науки РСФСР.

⁴⁹ Вопрос О.Г. Герасимовой.

отмечали День Войска Польского, это был «наш» праздник: приезжали из посольства военные с ящиками водки, в ДК МГУ было мероприятие, а потом в комнате президиума шла мощная пьянка. С нашей стороны этим Обществом советско-польской дружбы руководил Александр Сергеевич Орлов⁵⁰. У меня даже есть золотой значок этого общества. Это были 70-е годы, я уже работал на факультете. А вообще приезжало много американцев — не на учебу, а на стажировку, на кафедры отечественной истории, особенно на «капитализм»⁵¹.

А НСО было⁵²?

Скорее формально. Понимаете, заставлять историков ходить в НСО особого смысла не имеет, потому что в первом же семестре надо готовить доклад, курсовую, а это уже маленькая, но самостоятельная работа с обсуждением. В архив еще не ходят обычно, но идти в библиотеку уже надо.

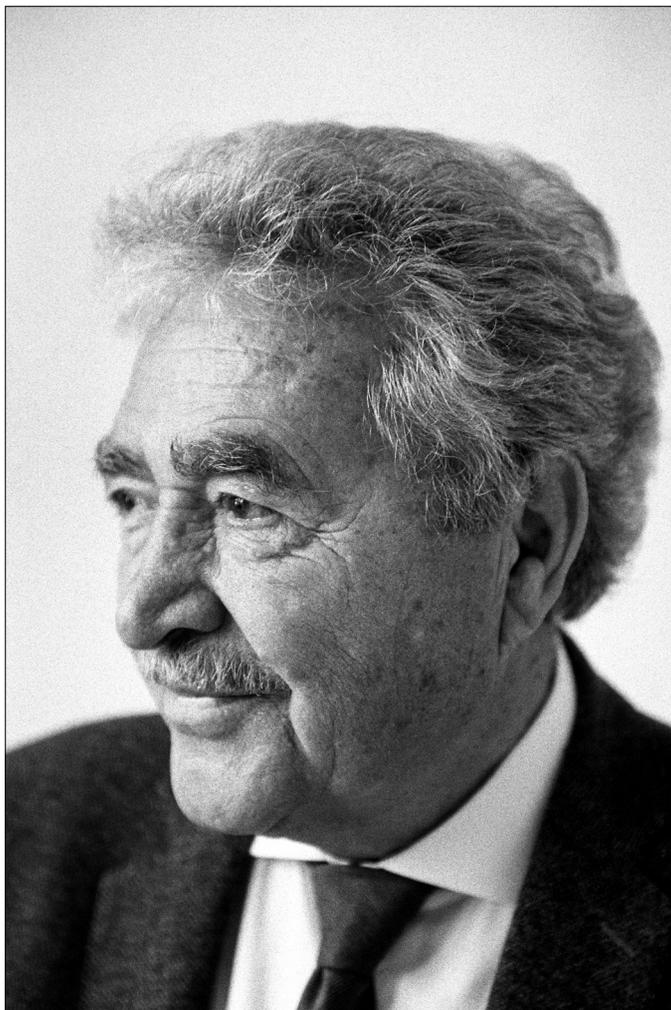

Презентация в посольстве России в Варшаве
Presentation at the Russian Embassy in Warsaw

⁵⁰ Доцент истфака МГУ, автор учебных пособий по отечественной истории, а также исследований по российской истории XVIII в.

⁵¹ Главным консультантом молодых американских историков-русистов, стажировавшихся на истфаке МГУ, выступал крупный специалист по российской истории нового времени профессор П.А. Зайончковский (1904–1983). См.: *Большакова О.В. П.А. Зайончковский и его американские ученики. Отечественная история. 2004. № 5. С. 158–177.*

⁵² Вопрос О.Г. Герасимовой. Речь идет о научном студенческом обществе.

У нас такой разброс тем всегда, кто-то занимается XII веком, а кто-то XXI веком — о чем особенно говорить?

*Полонистов привлекали в качестве переводчиков?*⁵³

Наши студенты и аспиранты работали на Олимпиаде, на выставках. Я и как аспирант, и после аспирантуры много работал переводчиком. Обычно кто-то из ЦК приезжал, из Союза композиторов...

Сейчас сложное время. Вы до сих пор контактируете с поляками? У вас в Польше много друзей, знакомых.

---

⁵³ Вопрос О.Г. Герасимовой.

Многие мои коллеги уже умерли. Один историк из Белостока меня даже испугал: я дважды ему писал, получил ответ, оказалось, он в очень плохом состоянии сейчас. Вы знаете, поляки боятся. Мы, русские люди, в этом отношении ко всему спокойно относимся. В 70-х годах сидим мы у приятеля на кухне, разговариваем. Как обычно бывает, когда встречаются два славянина, рано или поздно мы приходим к проблеме наших правительств и их свержения. Он тут же встает и закрывает окно: «Могут услышать». Мне бы в Москве не пришло в голову, что меня кто-то может услышать, что кому-то это может быть интересно.

Однажды на высоком уровне, в Агентстве по печати и массовым коммуникациям РФ, рождается хорошая идея — издать в Польше 25 произведений русских и советских авторов по выбору польской стороны, они переводят, им оплачивают, они публикуют, и в Польше все это расходуется. Это согласовывается на самом высоком уровне — замруководителя агентства договаривается с частным издательством в Польше, приезжает подписывать договор, а ему главный редактор говорит: «Знаешь, Володя, не буду подписывать. Ко мне пришли люди из соответствующих органов и сказали: “Ты на русские деньги хочешь жить? Смотри, смотри...”». И я понял, что бизнес у меня отберут». Это не сейчас, а лет десять тому назад. Мне это рассказал человек, которому я совершенно доверяю. Вот вам уровень демократии. Я организую конференцию, оплачиваю все, приглашаю поляков, людей вроде бы даже левых, немного пророссийских взглядов. И они мне застенчиво отвечают: «К сожалению, не получается». Потом один из них пишет моему коллеге: «Тут Матвеев приглашал, но понимаешь, мне сказали...». В итоге приехали два пенсионера и одна женщина в предпенсионном возрасте, ей уже наплевать.

Боятся сломать карьеру себе?

Если вы живете в демократии 30 лет и до сих пор боитесь, то какая это демократия? Я знаю не меньше, чем знают они. Если они имеют право говорить все, что они о нас думают, то почему мы должны стесняться? Я не могу понять нашей интеллигенции, которой кажется, что там все по-другому. Как будто там живут не homo sapiens.

*С Г.Ф. Матвеевым беседовал
А.С. Стыкалин при участии О.Г. Герасимовой*

Публикацию подготовили Д.С. Парфирьев и А.С. Стыкалин

Г.Ф. Матвеев

Научное наследие. Опубликованные работы 1973–2023 годов

1973

Рец. на кн.: *Landau Z., Tomaszewski J. Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939*. Советское славяноведение. 1973. № 1. С. 81–83.

1974

Буржуазные политики Польши о стабилизации государства (на материалах публицистики Ст. Грабского). Проблемы всеобщей истории. М.: Изд-во Московского университета, 1974. С. 152–169.

1976

Идейно-политическое и организационное развитие польского буржуазного лагеря национальной демократии в 1921 — первой половине 1927 года. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1976. 24 с.

Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. *Studia i materiały*. 1976. T. 13. S. 127–136.

Uroczyste posiedzenie Rady Naukowej ISiB ANZSRR, poświęcone 100-leciu powstania kwietniowego 1876 w Bulgarii. *Biuletyn Informacyjny IKS PAN*. № 42. 1976. S. 44–46.

[Соавт. *Rudnicki Sz.*] Protokół konferencji w Pełkiniach. *Przegląd historyczny*. 1976. № 2. S. 463–477.

1977

Posiedzenie Rady Naukowej ISiB AN ZSRR z okazji XXX-lecia placówki. *Biuletyn Informacyjny IKS PAN*. № 45. 1977. S. 28–31.

1978

Проблемы истории СССР на страницах ежегодника «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. *Studia i materiały*». История СССР. 1978. № 1. С. 202–213.

1979

Рец. на кн.: *Михутина И.В.* Советско-польские отношения. 1931–1935. М., 1977. Советское славяноведение. 1979. № 4. С. 101–102.

1984

Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919–1926 гг.). Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период / отв. ред. А.Х. Клеванский. М.: Наука, 1984. С. 78–92.

1986

Организационная структура лагеря польской национальной демократии (1919–1926 гг.). Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период / отв. ред. А.Х. Клеванский. М.: Наука, 1986. С. 184–196.

1987

О некоторых источниках идеологической концепции А. Стамболийского. Известия на българското историческо дружество. 1987. Т. 39. С. 229–256.

1988

[Соавт. *Билунов Б.Н.*] Общий курс новейшей истории южных и западных славян в Московском университете и место в нем болгарской проблематики. Университетски изследвания и преподавания на българската история у нас и в чужбина. София: Софийски университет “Св. Климент Охридски”, 1988. Т. 2. С. 71–74.

1989

Формирование идеологии чешских аграриев в конце XIX в. — 1914 г. Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1989. № 5. С. 42–55.

1990

Идеология аграрной партии в первые годы существования Чехословацкой республики (1918–1920 гг.). Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1990. № 1. С. 42–51.

1991

Из творческой мастерской А. Стамболийского. Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. З.С. Ненашева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 137–148.

1992

«Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М.: Изд-во Московского университета, 1992. 240 с.

1993

... Express-Magazyn. Bydgoszcz. 1993. № 2–4. S. 4.

1994

Полската дипломатја и Иван Михајлов во 1938 година. Исторја. 1994. № 1–2. С. 73–90.

Wyższa Rosja. Życie Warszawy. 1994. 04.05. S. 17.

Польша при коммунистическом режиме. История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 1994. № 14. С. 4–6.

«Жертва польского русофобства». Родина. 1994. № 12. С. 114–118.

1995

[Соавт. *Бордюгов Г.А., Косеский А.* и др.] СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов. М.: АИРО-XX, 1994. 382 с.

Исход от югокризата може да бъде намерен в Хелзинки-2. Зора. София. 1995. 31. 01. С. 11.

Социально-психологические аспекты государственного переворота 1926 г. в Польше. Тоталитаризм и антитоталитарные движения. Материалы научной конференции / отв. ред. Г.И. Чернявский. Харьков: МНАБ, 1995. С. 42–51.

Македонското прашање во југословенско-бугарските односи во 1922–1924 година (според материјалите на военото аташе на Полска во Белград). Европа и македонското прашање. Делчево, 1995. С. 351–356.

Идеологическое развитие сербского крестьянского движения. Tokovi istorije. 1995. № 4. S. 61–92.

1996

Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г. Версаль и новая Европа / отв. ред. Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 64–80.

Cechy wspólne i specyficzne w ideologicznym rozwoju partii chłopskich w krajach słowiańskich w okresie międzywojennym. Chłopi a państwo / pod red. J. Janczaka. Łódź: Wojewódzki komitet obchodów 100-lecia ruchu ludowego w Łodzi; Instytut historii UL — Interdyscyplinarny zespół naukowo-badawczy struktur i przemian społecznych wsi, 1996. S. 155–162.

Социально-психологические аспекты государственного переворота 1926 г. в Польше. Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica. 1996. T. 55. S. 81–90.

1997

История стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в. Учебное пособие для вузов / под ред. А.В. Фадеева. М.: ИПО «Профиздат»; Ин-т упр. и права, 1997. 348 с.

[Соавт. *Badziak K., Samuś P.*] “Powstanie” na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa: ADIUTOR, 1997. 192 s.

Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период. Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер, Б.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 116–129.

“Problem macedoński długo jeszcze będzie niepokoić światową dyplomację”. Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica. 1997. T. 59. S. 61–68.

1998

История южных и западных славян. Учебник. М.: Изд-во Московского университета, 1998. Т. 1–2. (Автор глав, редактор томов)

[Соавт. *Badziak K., Samuś P.*] Акция “Łom”. Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: ADIUTOR, 1998. 327 s.

[Соавт. *Федевич К. К.*] Акція навернення українського населення Волині до католицтва в 1937–39 рр. Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1998. Т. 33. С. 169–177.

1999

Акція “rewindykacji” na Wołyniu w końcu lat 30-ch XX wieku. Przegląd Wschodni. 1999. № 4 (20). S. 679–700.

Четыре выстрела «Дракона». Покушение на Пилсудского в 1921 г. Родина. 1999. № 8. С. 116–118.

2000

Z historii jednej publikacji w gazetach. Mówią wieki. 2000. № 11. S. 19–25.

Билунов Борис Николаевич. Историческая славистика в МГУ. 1989–1999 / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М.: Изд-во Моск. гос. об-ния арх., 2000.

2001

История южных и западных славян. Учебник. Т. 1–2. М.: Изд-во Московского университета, 2001. Автор глав, редактор томов.

Настало время товарищей считать // Парламентская газета. 2001. 21.03.

Kto krył się za kulisami spisku styczniowego 1919 r. oraz manifestacji grudniowych 1922 r. Teki Archiwalne. Seria nowa. 2001. Т. 5. S. 3–12.

О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов. Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126.

2002

Rola nauki w kształtowaniu ideologii ruchu chłopskiego w krajach słowiańskich w latach dwudziestych i trzydziestych XX wieku. Zeszyty Wiejskie. 2002. № 6. S. 221–235.

[Соавт. *Кузьмичева Л.В.*] В.Г. Карасев и университетское славяноведение. Югославянская история в Новое и Новейшее время / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, Л.В. Кузьмичева. М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 2002. С. 320–329.

Wojna polsko-radziecka. Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć / red. A. Magdziak-Miszewska, M. Zuchniak, P. Kowal. Warszawa: Biblioteka “Więzi”, 2002. S. 153–159.

“Polscy imperialiści”, “polscy panowie”, “białopolacy”. Wybrane aspekty propagandy radzieckiej na temat Polski na przełomie pierwszej i drugiej dekady XX wieku. Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć / red. A. Magdziak-Miszewska, M. Zuchniak, P. Kowal. Warszawa: Biblioteka “Więzi”, 2002. S. 84–91.

2003

“Польские империалисты”, “польские паны”, “белополяки” (некоторые аспекты польского направления советской пропаганды в конце 10-х — начале 20-х гг. XX в.). Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева / отв. ред. З.С. Ненашева. М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 2003. С. 10–19.

«Петлюра должен быть повешен...». Родина. 2003. № 3. С. 94–95.

Propaganda radziecka wobec Polski w początkach niepodległości. Rocznik nauk politycznych. 2003. № 5. S. 281–287.

Druga strona cudu. Gazeta Wyborcza. 2003. 14–15.08. S. 13–14.

2004

Отечественная история. Авторский курс. Юниты 1–3. М.: Современный гуманитарный университет, 2004. 238 с.

[Соавт. *Елисеева Н.Е., Миронова К.К., Тархова М., Карнус З., Резмер В., Росовска Э.*] Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 912 с.

«Оставлены на поле боя...». Родина. 2004. № 7. С. 61–63.

Научные аргументы в творчестве идеологов аграризма в славянских странах. Индустриализация и общество. Социальные последствия индустриализации в Европе в XIX–XX веках. Сборник статей / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2004. С. 215–232.

Wizyta Stiepana Radicia w ZSRR w 1924 roku. Historia i polityka / Studia i rozprawy dedykowane Profesorowi Adamowi Koseskiemu w 65. rocznicę urodzin / kom. red. A. Bartnicki et al. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 2004. S. 617–630.

Право наций или право национальностей? К вопросу о теоретических основах территориального переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе после Первой мировой войны. Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР). Материалы международной научной конференции. Минск, 24–25 апреля 2003 г. / отв. ред. О.А. Яновский. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. С. 3–11.

[Соавт. *Жила Л.И.*] «Формула самоопределения» народов в политике Г.В. Чичерина. Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР). Материалы международной научной конференции. Минск, 24–25 апреля 2003 г. / отв. ред. О.А. Яновский. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. С. 76–80.

2005

Кто стоял за кулисами январского заговора 1919 г. и декабрьских событий 1922 г. в Варшаве? Профессор МГУ И.М. Белявская / отв. ред. Г.Ф. Матвеев и Х.Х. Хайретдинов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 133–143.

2006

Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 годах. Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 47–56.

III Международный конгресс историков села и крестьянского движения (г. Пултук, Польша, 4–6 сентября 2006 г.). Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4 (45). С. 192–194.

2007

Вопросы развития польского сельского хозяйства и крестьянского движения на страницах журнала «Аграрные проблемы». 1927–1935 гг. Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2007. Вып. 2 / отв. ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. С. 33–50.

Stajecie się problemem dla Europy. Kurier poranny. Białystok. 09.11. S. 13.

Российско-польские конфликты XX в. в российской историографии конца XX — начала XXI века. *Obraz konfliktów między narodami słowiańskimi w XIX i XX wieku w historiografii* / red. I. Stawowy-Kawka. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2007. S. 21–28.

Spółeczno-polityczne położenie wsi w Federacji Rosyjskiej. *Dzieje partii i stronnictw chłopskich w podzielonej Europie* / red. J. Ryszard Szaflik. Pułtusk; Warszawa: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor, 2007. T. 2. S. 565–576.

2008

Пилсудский. М: Молодая гвардия, 2008. 474 с. (Сер. ЖЗЛ.)

История южных и западных славян. Учебник. М.: Изд-во Московского университета, 2008. Т. 1–2. Автор глав, редактор томов.

Stosunki polsko-radzieckie w XX wieku. *Biuletyn historii pogranicza*. 2008. № 9. S. 17–22.

Восприятие Второй мировой войны российской и польской общественностью. *Историки-слависты МГУ*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. Кн. 7: Х.Х. Хайретдинов / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. С. 382–390.

2009

Юзеф Пилсудский и образование независимого Польского государства. До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.Л. Шемякин. М.: Российская академия наук, Институт славяноведения, 2009. С. 271–300.

Февральская революция в России и польский вопрос. *Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды* / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 85–92.

Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы. *Карпатские русины в славянском мире. Актуальные проблемы* / отв. ред. М. Даниш, Ю.А. Борисенок. М.; Братислава: Изд. Степаненко, 2009. С. 54–70.

Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919–1920 годах? *Studia slavica-polonica (К 90-летию И.И. Костюшко)* / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 105–114.

2010

Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с. Автор глав.

Białe plamy — czarne plamy. *Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918–2008* / pod red. A.D. Rotfelda i A. W. Torkunowa. Warszawa: PISM Poland, 2010. 907 s.

[Соавт. *Kozłowski J.*] Oficerowie straży ziemskiej w Królestwie Polskim w latach 1867–1905. Dzieje biurokracji / pod red. A. Górnika, K. Latawca i D. Magiera. Lublin; Siedlce: Towarzystwo Nauki i Kultury „Libra”, 2010. T. 3. S. 257–274.

«Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г. Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005) / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010, С. 198–216.

Ленин и Пилсудский. Сотворение революции. Родина. 2010. № 7. С. 56–59.

Ленин и Пилсудский. Сотворение революции. Родина. 2010. № 8. С. 69–72.

2011

[Соавт. *Матвеева В.С.*] Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина МЕДИА, 2011. 173 с.

«Элиты и “историческая политика”». Звенья. 2011. № 1. С. 3–10.

«Комиссаров живыми наши не брали вообще». Родина. 2011. № 2. С. 113–119.

Тактика А.А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире 22 сентября — 12 октября 1920 года. Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42–47.

Подготовка советской стороны к мирным переговорам с Польшей в 1920 году // Историки-слависты МГУ. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. Т. 8. Славянский мир: в поисках идентичности / редкол. Ю.А. Борисенко и др. С. 526–539.

Bezdzusny trybik w maszynie, czy świadomy sługa tronu? Obraz urzędnika III wydziału JCM Kancelarii z czasów Mikołaja I we wspomnieniach Erazma I. Stogowa. Dzieje biurokracji / pod red. A. Górnika, K. Latawca i D. Magiera. Lublin; Siedlce: Towarzystwo Nauki i Kultury „Libra”, 2011. T. 4. Cz. 1. S. 331–340.

2012

Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. Автор глав.

Плоды взаимных вдохновений. Родина. 2012. № 5. С. 24–25.

Ku wolności... Czynniki wewnętrzne i międzynarodowe powstania niepodległych państw w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX–XX w. Monografia / pod red. E. Wiśniewskiego. Łódź, 2012. Автор глав.

Польское направление советского мирного наступления. Январь — апрель 1920 года. Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага мірнага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. Мінск: Пасольства Польшчы ў Рэспубліцы Беларусь; Польскі Інстытут у Мінску; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; Універсітэт Мікалая Каперніка ў Торуні, 2012. С. 63–89.

Польско-советские отношения в межвоенное двадцатилетие в современной российской историографии. Dawna Rosja i Rosjanie we współczesnych badaniach polskich / nauk. red. J. Tyszkiewicz, K. Łukawski. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztora, 2012. S. 135–154.

Перелом в политике Москвы на польском направлении в июле 1920 года. *Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia — religia — kultura — polityka* / ed. I. Stawowy-Kawka. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 235–248.

К предыстории войны Советской России с Польшей в 1918–1920 гг. От античности до современности. Сб. статей по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику РАН, заслуженному профессору Московского университета Юрию Степановичу Кукушкину / сост. О.Н. Баркова, Л.С. Леонова. М.: Собрание, 2012. С. 255–270.

Жандарм в провинциальном русском обществе 1850-х годов (по воспоминаниям Э.И. Стогова). Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост. В.Б. Каширин. М.: Регнум, 2012. С. 100–110.

2013

[Соавт. *Матвеева В.С.*] Polska niewola. Żołnierze Armii Czerwonej w niewoli u Polaków w latach 1919–1921. Moskwa: Родина МЕДИА, 2013. 183 s.

От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге. Родина. 2013. № 6. С. 91–94.

Армия Крайова: пути и перепутья. Родина. 2013. № 8. С. 17–20.

Что московский ученик может узнать из курса отечественной истории о проблемах новейшей истории Польши. *Łódź, Polska i Europa Środkowo-Wschodnia w podręcznikach do nauczania historii* / pod. red. Z. Anusika, M. Karkochy, J. Kity i E. Wiśniewskiego. Łódź: Księży Młyn Dom Wydawniczy, 2013. S. 177–190.

Москва и Степан Радич: несостоявшийся союз. Историки-слависты МГУ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. Т. 8. В.А. Тесемников / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. С. 208–226.

Taktyka Adolfa Joffego podczas pertraktacji z Polską w sprawie zawarcia preliminariów pokojowych w 1920 roku. Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje. 90 lat później / red. S. Dębski. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. S. 201–230.

2014

[Соавт. *Айрапетов О.Р., Марчиняк П., Ставишиньская А., Ягелло М.*]. Незабываемое сражение 1914 года. Лодзь — прифронтовой город. М.: Родина МЕДИА, 2014.

Некатомба на froncie wschodnim. *Mówią wieki*. 2014. № 3. S. 13–15.

Рец. на кн.: *Л.С. Лыкошина*. Дональд Туск. Политический портрет. М., 2013. *Славяноведение*. 2014. № 5. С. 98–99.

Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 171–192.

Тактика А.А. Иоффе на переговорах о предварительном мире с Польшей в 1920 г. Забытый мир. Рижский договор 1921 года / под ред. С. Дембского, ред. рус. изд. А. Мальгин. М.: Аспект-Пресс, 2014. С. 170–192.

Польша последнего квартала 1985 года глазами аналитика советской внешней разведки. *Między historią polityczną a historią społeczną* / red. J. Gołota. Pułtusk; Olsztyn; Ostrołęka; Warszawa: Ostrołęckie Towarzystwo Naukowe im. Adama Chętnika, 2014. S. 378–393.

Опыт польского Январского восстания в трактовке Ю. Пилсудского. Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 105–114.

«Малые» войны в Центрально-Восточной Европе в 1918–1921 годах. Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. Ч. I. С. 335–338.

2015

White spots — black spots. Difficult matters in polish-russian relations, 1918–2008 / eds. A.D. Rotfeld, A.V. Torkunov. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 704 p. Автор глав.

Он был из поколения моих учителей / Памяти профессора Станислава Михайловича Стецкевича. Статьи и воспоминания / Отв. редакторы Я.Я. Гришин, В.В. Кутявин. Казань: Яз, 2015. С. 133–136.

Чем живут историки-слависты Московского университета в начале XXI в. Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 405–409.

К вопросу о типологии режима «санации» в Польше. «Берегиня * 777 * Сова». 2015. № 3. С. 42–51.

Serbski ruch ludowy w poszukiwaniu tożsamości ideologicznej w okresie międzywojennym. *Przegląd Wschodni*. 2015. T. 13. № 51. S. 777–805.

Wojna i zwycięstwo nad nazistowskimi Niemcami i ich sojusznikami w pamięci historycznej Rosjan i Polaków. *Biuletyn historii pogranicza*. 2015. № 15. S. 55–64.

2016

Трагедия красноармейцев в польском плену. Живая история. 2016. № 5. С. 36–43.

Рец. на кн.: *J. Szumski. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964*. Warszawa, 2016. 429 s. *Я. Шумский*. Политика и история. СССР и историческая наука в Польше в 1945–1964 годах. Славяноведение. 2016. № 5. С. 110–115.

«Использовать зажженный факел». Историк. 2016. № 9. С. 66–71.

Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 5 (49).

Из истории разработки А. Стамболийским идеологии Болгарского земледельческого народного союза. История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 194–209.

Заметки к биографии Юрия Аркадьевича Борисенка. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2016. Т. 11. Многоликий и беспокойный славянский мир: Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка / отв. ред. А.Н. Литвинова. С. 7–11.

Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2016. Т. 11. Многоликий и беспокойный славянский мир: Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка / отв. ред. А.Н. Литвинова. С. 425–443.

2017

Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2017. 823 с. Автор глав.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. Т. I. 1918–1926. 823 с. Редактор-составитель.

Российская революция. Наследие. Опыт осмысления. Kraków: Księgarnia akademicka, 2017. 170 с. Автор глав.

Памяти Эдварда Вишневого, друга и коллеги. *Zeszyty Wiejskie*. 2017. Т. 43. S. 272–275.

Obraz Józefa Piłsudskiego w propagandzie i literaturze rosyjskiej. *Akcent*. 2017. № 4. S. 144–153.

Польский вопрос и революционная Россия в 1917–1918 гг. Русский сборник. Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров и др. М.: Модест Колеров, 2017. Т. XXII. С. 286–295.

Юзеф Пилсудский в освещении советской и русской эмигрантской прессы и публицистики (до конца 1960-х годов) // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии. К 50-летию Комиссии историков России и Польши / сост. К.А. Кочегаров и др. М.: Индрик, 2017. С. 369–380.

2018

«Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах. Столетие Революции 1917 года в России / отв. ред. И.И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. Т. 1. С. 414–428. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (108). Сер. II. Исторические исследования (60)).

Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году. Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 134–156.

Вторая мировая война в восприятии русских и поляков. Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 83–91.

«Странная получается логика...». Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 198–200.

Как Польша участвовала в расчленении Чехословакии в 1938 г. Мюнхен-1938. Падение в бездну Второй мировой / отв. ред. О. Назаров. М.: Кучково поле, 2018. С. 229–250.

Предисловие научного редактора. *Лаговский Б.* Польша больна Россией. М.: Издатель Степаненко, 2018. С. 5–9.

Выступление на круглом столе. Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Материалы заседания международного круглого стола / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 71–74. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (126)).

Jakiego Józefa Piłsudskiego znano w radzieckiej i znają we współczesnej Rosji. Biuletyn historii pogranicza. 2018. № 18. S. 5–18.

2019

Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Международные отношения, 2019. Т. 1. Россия и Центральные державы. 369 с. Автор глав.

1968 год в странах Европы и Америки: события и их осмысление. События 1968 г. в Польше, Югославии и Чехословакии: был ли это кризис социализма. Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2019. № 14.

Принцип самоопределения наций в политике держав и зарождение системы международной защиты национальных меньшинств (до 1917 года). Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки / отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 16–38.

Перипетии судьбы красноармейцев при пленении поляками. Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем: материалы международной научной конференции «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)» / ред. Е.В. Кодин. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. С. 172–184.

Польско-российские отношения в XX веке глазами непредвзятого историка. Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 70–74.

Предисловие. *Цат-Мацкевич С.* Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М.: Издатель Степаненко, 2019. С. 7–9.

2020

Предисловие. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2020. Т. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисенок. С. 7–9. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (178)).

[Соавт. *Ненашева З.С.*] Кафедра истории южных и западных славян. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2020. Т. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисенок. С. 10–85. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (178)).

Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д.С. Буневич. М.: Кучково поле, 2020. С. 19–28.

Предисловие. *Дыбоский Р.* Семь лет в России и Сибири. М.: Издатель Степаненко, 2020. С. 5–10.

[Соавт. *Семакина Т.Р.*] Четыре письма галичан о I Международном съезде славянских филологов. Славяноведение. 2020. № 4. С. 100–109.

[Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Рец. на кн.: Мезга Н.Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель, 2019. Славяноведение. 2020. № 3. С. 123–125.

- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков. Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 3. С. 100–122.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Советский Союз и подготовка Локарнских соглашений 1925 года (по материалам советских официозов «Известия» и «Правда»). *Polska i Niemcy, Od odzyskania niepodległości do Rapallo i Lokarno 1918/1922–1926/1934 / pod. red. D. Makitły.* Warszawa: Akademia Ekonomiczno-Humanistyczna w Warszawie, 2020. S. 51–70.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Peace conference in Paris 1919: A view from Moscow. Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. Т. 39. After the Peace Treaty of Versailles (1919): New Order of Central Europe / hrsg. D. Makitła, M. Rezník. S. 47–61.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] До и после Победы: польский вопрос в политике правительства в изгнании в 1944–1945 годах. Итоги второй мировой войны 1939–1945 гг. и народы Центральной и Восточной Европы: историческая память и современность / под ред. Ю.А. Борисенка и др. Минск: Колорград, 2020. С. 58–68.
- Польша (с 1945 года). Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2020. Т. 57. С. 328–331.

2021

- Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года. Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 130–143.
- Poland in Soviet Foreign Policy from late 1919 to 16 July 1920. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 12.
- Узловые проблемы польско-советской войны // Польско-советская война 1918–1921 гг. Рижский мирный договор. Каталог научно-документальной выставки / отв. ред. П.П. Скорospelов, А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 31–48.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Как В.И. Ленин планировал «помочь пролетариату и трудящимся Польши освободиться от помещиков и капиталистов». Рижский договор: взгляд через столетие. Сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Мезга. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 18–22.
- Człowiek Pogranicza. Jan Jerzy Milewski. Pamięć historyczna. Konflikty pamięci na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne — Oddział w Białymstoku, 2021. S. 129–134.
- Предисловие. *Цат-Мацкевич С.* Достоевский — человек XIX века. М.: Издатель Степаненко, 2021. С. 7–10.

2022

- История южных и западных славян. Учебник. М.: КДУ, Университетская книга, 2022. Т. 1–3. Автор глав, редактор томов.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Между кем собирался балансировать и балансировал ли вообще Ю. Пилсудский в 1926–1935 годах. Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 169–181.

[Соавт. *Колыхова К.И.*] Ноябрьский кризис польско-советского урегулирования 1920 г. *Российская история*. 2022. № 5. С. 160–176.

[Соавт. *Колыхова К.И.*] Введение советско-польского перемирия в действие (октябрь–ноябрь 1920 г.). 2022. *Res Gestae*. Kraków. Т. 14. S. 194–214.

2023

Как делалось Силезское восстание в 1921 г. *Casus belli* в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления / отв. ред. Л.С. Белоусов. СПб.: Алетейя, 2023. С. 108–130. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (229)).

Виктор Георгиевич Карасев (1922–1991) // *Историки-слависты МГУ*. М.: Издатель Степаненко, 2023. Т. 15: Ключевые проблемы южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева) / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, О.А. Дубовик, Л.В. Кузьмичева. С. 13–23. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (252)).

2006–2023

220 энциклопедических статей в БРЭ и РИЭ. С. Миколайчик... «Молодая Польша». Полный список см.: URL: <https://istina.msu.ru/profile/MatveevGF/Статьи> в сборниках (дата обращения: 11 декабря 2023).